

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СЕКРЕТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА (беседа с проф. В. А. Моляко)

Н. В. Медведева. Валентин Алексеевич, если Вы не возражаете, давайте продолжим наши беседы-интервью в ракурсе психологии творчества, общей психологии, и на этот раз конкретно касаясь именно поэтического творчества, которое, как мы хорошо знаем, скажем так, знакомо Вам не понаслышке.

В. А. Моляко. Я готов. Снимаю с себя бутафорские эполеты короля поэтов (шучу!) и готов отвечать как простой рядовой неисчислимой, по моему убеждению, армии поэтов, в том числе не только в области литературы.

Н. М. Тогда давайте начнем с такого очень короткого, но, может быть, не очень простого вопроса: кто такой поэт?

В. М. Да уж... Хотя позволю себе высказать такое не очень оригинальное и не «окончательное» мнение: поэт – это тот, кто создает поэтические произведения, в том числе в литературе (стихи). А что такое поэтические произведения, что такое поэзия – об этом написано много. Это – красота, гармония, оригинальность, необычность в формах, возвышенность в чувствах, героика, преклонение, любовь, подвиги и многое другое. Здесь уместно, в частности, было бы привести известное стихотворение И. Анненского «Среди миров...», но я не буду его цитировать полностью – его почти многие знают, а приведу лишь последние две строчки – «не потому, что без нее темно, а потому что с ней не надо света». Это о поэзии. А тот, кто написал такое стихотворение, и есть поэт.

Н. М. Это Вы, так сказать, вообще, а вот если о себе? Вы себя ощущаете поэтом и как Вы могли бы себя охарактеризовать как поэта?

В. М. Я себя ощущаю поэтом тогда, когда пишу стихотворение. И когда через какое-то время читаю это стихотворение и признаю, что его написал поэт (удивляюсь, что это сделал я). Во все остальные промежутки времени я прозаик, живу и думаю «презренной прозой». Но вообще-то на этот Ваш вопрос лучше спрашивать ответ у других, кто читал мои стихи, кто знаком с ними. На мой, конечно же, субъективный взгляд, это сделала Э. В. Киричевская в своей недавно изданной монографии («Психология творческого мировосприятия одаренной личности (по материалам литературных произведений В. А. Моляко)»). Я бы сильно покривил душой, если бы сказал, что эта книга мне хоть в чем-то не понравилась. И дело не только в ее позитивном характере, а в том, что автор действительно проникает в суть поэзии, поэтичности, да и до самого автора стихов добирается как психолог-аналитик, настоящий исследователь (право же, это не потому, что написано обо мне!), о моем поэтическом творчестве, скажем так – громко.

Н. М. Не надо «прибедняться» – Вы и сами в состоянии оценить написанное. А у меня будет вокруг этого вопроса еще целый ряд других. Продолжу таким: насколько сильно влияет окружающая действительность на Ваше творчество?

В. М. Влияет. Иногда очень сильно, причем в противоположных напра-

влениях: конкретно дает толчок к замыслу, или даже сиюминутному написанию стихотворения, своего рода экспромту, а довольно часто – тормозит, полностью блокирует не только процесс создания, но даже размышления в жанре поэзии. Но все это, я бы сказал, касается не только поэтического или любого другого вида творчества, а любой деятельности, наверное любого из нас.

Н. М. Но ведь всякого рода торможение можно как-то преодолевать?

В. М. Можно и нужно, иначе придется просто «сидеть на берегу и ждать у моря погоды», как давно уже иронически сказано. Существует масса индивидуальных и стандартных способов и приемов преодоления молчания, стимуляции творческой активности, о чем, в частности, можно прочитать в уже давно изданных книгах, например, в работах С. М. Грузенберга. Он рассказывает, что кому-то творить помогали горячие комресы или холодный душ, кому-то рюмка или даже стакан. Но я, если позволите, перескажу по этому поводу немного смешную, но в общем весьма поучительную быль, которую мне рассказал мой, к сожалению недавно покинувший нас киевско-калужский поэт Арсентий Струк. Когда-то Арсентий случайно попал в Ялтинском доме писателей на встречу с американским широкоизвестным нобелевским лауреатом Джоном Стейнбеком, который гостил в СССР. Эта встреча проходила весьма помпезно, чуть ли не как митинг американо-советской писательской дружбы. Зал был переполнен, в президиуме сидело несколько местных корифеев отечественной прозы и поэзии, которые тогда творили (или отдыхали?) именно в Ялте. Начались обширные выступления, каждое из которых длилось от получаса и более, включая в себя изречения о значении литературы, о том, что и как нужно писать вообще и в данное время, и т.д. Под конец за трибуну пригласили самого Джона Стейнбека и все замерли в уважительном ожидании. Джон как-то не очень торопливо и охотно шел к трибуне, и даже не дошел, остановился на полпути и без всякого пафоса медленно, отдельно произнес: «Писатель должен писать». После чего так же спокойно вернулся на свое место. Я там не был, но четко представляю, что наступившая пауза затмила знаменитую гоголевскую в конце «Ревизора» и не была короткой... Я думаю Вам понятно, почему я это рассказал, отвечая на Ваш вопрос. По этому поводу, как известно, высказывались многие. Помните – П. И. Чайковский советовал не ждать появления птицы вдохновения, а работать; а Эдисон высказался еще прозаичнее, отметив, что его изобретательство – это 90% пота и один процент догадки.

Н. М. Но, смотрите, если по многим Вашим же напоминаниям на наших семинарах, Моцарт творил по вдохновению, а Сальери – как ремесленник?

В. М. Ну, и что? Не вижу здесь никакого противоречия с тем, что это я сейчас рассказал. Ведь Стейнбек просто напомнил всем присутствующим, что это не его дело витийствовать по поводу писательства, а как именно писать, он не говорил и тем более – не советовал. В данном случае о Моцарте и Сальери, оставляя в стороне их разделяющее, можно сказать: и тот, и другой писали музыку (ноты), а уж у кого как это было субъективно, совсем другой вопрос.

Н. М. Тогда тут же спрошу: какие именно черты характеризуют Вас как поэта?

В. М. Как бы мне тут, скажем мягко, отвертеться от такого весьма непростого вопроса? Попробую, чтобы не посрамить в данном случае уже мундир психолога, который взял на себя смелость (или предельную наивность) исследовать творчество. Я, к сожалению, не Моцарт и, к счастью, не Сальери (по крайней мере не отравил ни одного Моцарта, и даже не Моцарта, хотя немоцартов может быть и надо бы было, да яда нету). Так что от их имени говорить не буду, к тому же это гениально сделал Пушкин. И отвечу на Ваш каверзный вопрос следующим образом. Как поэта, в том числе, если позволите, и меня (какой бы уж я не был великий или не очень), определяют прежде всего не черты характера, а наличие (или отсутствие, и такое случается) поэтического таланта, или хотя бы способностей. А уж какой там характер, это дело десятое. Мы прекрасно знаем, что всегда были, есть и будут, казенно говоря, поэты (как и все прочие творцы и нетворцы) с прекрасным (Тютчев, Блок) и не очень (Лермонтов, Маяковский) характером. И что с того? Мы все же почитаем их по созданному, а не по походке и почерку...

Н. М. Считаю, что Вы все же, как сами выразились, отвертелись. Поэтому продолжу: чего бы Вы хотели достичь в своем творчестве, есть ли у Вас поэтическая мечта?

В. М. Вы безусловно мастер сверхсложных, многослойных вопросов... Ну, что касается соотношения творчества и ремесленности в литературе вообще, то это явление инвариантное, свойственное всем временам и пишущим во всех странах. Это трудно измерять процентами, так как много всяких «поправочных коэффициентов». Это определяется и факторами культуры, ее доминант, востребованных обществом и житейской конъюнктурой, и далеко не в последнюю очередь конкретными авторами; все это дает в итоге суммарный эффект, что легко прослеживается, например, на сравнении литературных достижений, скажем, во второй половине девятнадцатого столетия (и у нас, и в России, и за рубежом) и в той же второй половине двадцатого. Возьмем прозу. Смотрите: первый «файл» – Гоголь, Достоевский, Тургенев, Толстой – с одной стороны, и, Леонов, Нагибин, Трифонов – с другой. Разницу определит и любой старшеклассник. То же и в поэзии. К тому же можно говорить об отдельных звездах и целых созвездиях, или, наоборот, пустотах («плохая» литература). А что касается моей поэзии, - как я ее увязываю с литературным фоном... Никак. Мне это даже не приходило в голову. И прежде всего по одной простой причине: я не вхожу в число официальных, хоть в какой-то степени рекламно заангажированных лиц. Мои стихи изданы микроскопическими, любительскими («не для продажи») тиражами. Конечно, я по возможности слежу за новыми изданиями, авторами, но, признаюсь Вам совершенно искренне, не сопоставляю свое со своими современниками. Так уж сложилось, что в литературе у меня с детских лет свои очень и очень серьезные и строгие учителя. Начиная с Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, а позже Тютчева, Фета, Леси Украинки, Блока и целого ряда других мировых знаменитостей (Басе, Данте, Гете, Ли Бо, Бодлер, Уитмен, Ли Мастерс, Омар Хайям и еще многие). И не то, чтобы я сравнивал «свое» с «ихним», можно сказать проще: я равняюсь на них, а как это получается, вопрос другой.

Н. М. Тогда у меня совершенно естественно возникает такой вопрос: кто из классиков и современных поэтов Ваши самые-самые любимые, близкие?

В. М. Из классиков те, кого назвал, плюс еще, разумеется, несколько очень «громких» имен (Франко, Котляревский, Гейне, Саади, Ду Фу, Исса, Байрон...). Из современных? Конечно, Леонид Мартынов, Заболоцкий, Ахматова, Цветаева, две наши киевлянки – Глушкова и Мориц, и тоже еще многие, но, само собой, каждый в разной степени вполне субъективно и воспринимается и владеет моим вниманием, это понятно.

Н. М. Но Вы могли бы назвать одно-два произведения современных авторов, которые произвели на Вас самое большое впечатление?

В. М. В поэзии это, скорее всего, одна из поэм Юрия Кузнецова «Сшествие в Ад». А в прозе новинок таких не было, но вот перечитываю Генриха Белля и Вольфганга Борхерта, и перечитываю уже не в первый раз, и, Вы знаете, очень сильное впечатление. Скажем «И не сказал ни единого слова» Белля и кратчайшая новелла, буквально этюд Борхерта «Хлеб» – это настоящие шедевры. Это, как Вы конечно знаете, оба немецкие послевоенные авторы. Белль – широко известен, лауреат Нобелевской премии, а вот Борхерта, который умер сразу после войны в очень молодом возрасте, почти никто не вспоминает. А напрасно, очень даже напрасно. Это настоящая литература. Очень настоятельно советую прочесть. И не только Вам.

Н. М. Спасибо. Обязательно прочту и другим посоветую. И поскольку я и наши коллеги планируем продолжить цикл бесед с Вами, я в данном случае приостановлюсь и задам Вам еще один вопрос: а какие вопросы Вы бы сами задали своему любимому поэту?

В. М. Кому именно? У меня много любимых, целая полигамия.

Н. М. Например, Александру Блоку.

В. М. Что уж таиться, - я бы счастлив был провести с Блоком не один час и день, и даже задал бы ему больше вопросов, чем Вы все вместе взятые задаете мне. Но, Вы знаете, мне в данном случае все же просто фантастически повезло. Я это часто рассказываю. Я был лично знаком с Любовью Александровной Дельмас-Андреевой, которая, как хорошо известно, не только блоковедам, была одной из самых его близких друзей и муз, которая с весны 1914 года и до последних часов его жизни общалась с ним, очень хорошо знала и его как человека и как поэта. Так вот, я многие вопросы задавал Блоку через нее. И она давала развернутые ответы. Об этом мне еще нужно подробно написать. А вот, если бы я к примеру мог встретиться с Александром Сергеевичем, то задал бы ему один-единственный вопрос: А. С., откуда Вы почерпнули столько душевных сил, откуда у Вас такие запасы любви к близким, которых даже некоторым святым при жизни не хватало, что Вы позволили себе облагодетельствовать известностью и черной славой такое ничтожество как Эдмон Дантес?

Н. М. Вы как всегда продемонстрировали под конец неожиданный поворот в беседе. Большое Вам спасибо и до новых встреч.

Беседу проводила Н. В. Медведева